МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»,
реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ,
ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)
и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона
при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США),
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).
Точка зрения авторов данного издания
может не совпадать с точкой зрения доноров
и организаторов Программы.

Калининградский государственный университет

Балтийский межрегиональный институт общественных наук
«Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее»

# Регион сотрудничества

Выпуск 7 (32)

## Совершенствование региональной экономической политики

Калининград
Издательство КГУ
2004

УДК 338.24:911.3(470.26)
ББК 330.49(2Р31-4К)
Р 325

Редакционная коллегия:
*А.П. Клемешев* (общая редакция), проф. *Г.М. Федоров*,
проф. *В.Г. Барановский* (Москва), проф. *С.Д. Козлов*,
доц. *В.С. Корнеевец*, проф. *С.В. Кортунов* (Москва),
проф. *А.Е. Шаститко* (Москва).

Печатается по решению Совета научных кураторов
программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

**Р 325** **Регион сотрудничества. Вып. 7 (32):** Совершенствование региональной экономической политики / Под общ. ред. А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – 37 с.
ISBN 5-88874-533-2

Статьи сборника посвящены актуальным проблемам совершенствования региональной экономической политики – повышению инвестиционной привлекательности региона, в том числе путем формирования полюсов развития. Предложения авторов способствуют реализации Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества, а также могут быть использованы при разработке региональных стратегий других российских регионов, ведущих активную внешнеэкономическую деятельность.

Сборник адресован экономистам, политологам, специалистам в области регионального управления, бизнесменам – широкому кругу специалистов, исследующих вопросы международного экономического сотрудничества в Балтийском регионе.

**УДК 338.24:911.3(470.26)**
**ББК 330.49(2Р31-4К)**

Книга распространяется бесплатно

**ISBN 5-88874-533-2**

© Коллектив авторов, 2004
© АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2004

# Содержание

От редакции ..... 4

*Жданов В.П.* О совершенствовании инвестиционных механизмов регионального развития ..... 5

*Гареев Т.Р.* Применение теории полюсов развития для реализации региональной экономической политики применительно к Калининградской области ..... 19

# От редакции

Выпуск 7 (32) серии «Регион сотрудничества» подготовлен Балтийским межрегиональным институтом общественных наук при Калининградском госуниверситете в рамках проекта «Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада РФ и ЕС».

В серии «Регион сотрудничества» продолжается публикация статей по проблемам развития Калининградской области как эксклавного российского региона, развивающегося в окружении стран Европейского союза и НАТО. К обсуждению заявленной проблематики приглашаются другие Межрегиональные институты общественных наук, Московский и Санкт-Петербургский ресурсные центры, а также все российские и зарубежные эксперты, занимающиеся данной проблематикой.

Этот сборник посвящен актуальным проблемам совершенствования региональной экономической политики – повышению инвестиционной привлекательности региона, в том числе путем совершенствования законодательной базы, расширения международного сотрудничества, развития в регионе рыночной среды и формирования полюсов развития. Предложения авторов основаны на конкретных исследованиях, проведенных в 2003 – 2004 гг.

*В.П. Жданов*

# О совершенствовании инвестиционных механизмов регионального развития

## Значение инвестиционных механизмов в региональной политике

Начиная с 1970-х годов в развитии мировой экономики объективно стали возникать и утверждаться в экономической практике особые аспекты конкуренции, где главными действующими лицами являются не предприятия, фирмы, а государства и их отдельные регионы. Именно сейчас, в начале XXI века, данный вид конкуренции становится наиболее важной экономической формой борьбы, которую ведут между собой национальные хозяйственные комплексы. В этой связи последовательное рассмотрение уже сложившейся структуры и потенциально возможного содержания изменений для региональной экономической системы является необходимым и актуальным этапом, поскольку на различных стадиях развития территориального разделения труда то одна, то другая сторона региональной системы играют ведущую роль.

***Цели и задачи региональной политики***, ее формы и методы в различных государствах и регионах могут значительно различаться. Вместе с тем возможно выделение в *региональной политике развития* общих черт, к числу которых следует отнести.

1. Выравнивание социально-экономических условий на всей территории региона, создание и упрочение в его рамках единого экономического пространства.

2. Максимальное использование и развитие имеющегося производственного, природно-ресурсного потенциала и культурно-демографических особенностей.

3. Создание оптимального законодательного режима с учетом требований экономического развития, экономического баланса и обеспечения государственного суверенитета.

4. Приоритетное развитие объектов и направлений деятельности, имеющих особо важное значение для данного региона.

В соответствии с установленными региональными целями и задачами создаются соответствующие ***экономические механизмы***, от эффективности которых в значительной степени зависит достижение поставленных целей.

Государственное регулирование приобрело особое значение для переходных экономик стран, осуществлявших при переходе к рынку демонтаж административно-командной системы. В условиях кризиса оно было «абсолютно необходимым» и даже «безальтернативным» условием реализации экономической политики «поддержки» и «выживания». Поэтому до сих пор разработка механизмов государственного регулирования территорий является наиболее приближенным к практике уровнем исследования территориального развития.

Государство, с одной стороны, определяет создание экономической среды посредством принятия соответствующих законодательных актов, а с другой – инвестирует в обширный комплекс производственно-хозяйственных структур. Вместе с тем существенная роль государственного регулирования не должна умалять значения факторов рыночной самоорганизации в обеспечении структурной перестройки экономики и ее перехода к устойчивому росту. Административные механизмы должны дополняться ***инвестиционными механизмами*** территориального развития, то есть механизмами, основанными на инвестиционных интересах предпринимательских структур (при условии соблюдения государственных и общественных интересов). Оптимальным вариантом для региона является ***баланс*** правовых и инвестиционных регуляторов (с постепенным повышением роли последних).

Поскольку центральным элементом организационно-правовых механизмов выступает *нормативно-правовая деятельность*, в работе органов власти и местного самоуправления может возникать тенденция подмены экономических регуляторов правовыми регуляторами. При определенных условиях экономическая целесообразность может создаваться исключительно за счет организационно-правовых регуляторов[1]. В то же

---

[1] Именно такая ситуация, по мнению ряда экспертов, сложилась в Калининградской области (см.: *Смородинская Н.В., Жуков С.В.* Калининградский анклав в Европе: заплыв против течения. Диагностика состояния и возможностей экономического развития. – М.: Институт «Восток-Запад», 2003). Любой организационно-экономический механизм (в нашем случае – инвестирование в импортозамещение) в таких условиях основан не на законах нормального рынка, а на эксплуатации «политической ренты» (эксклюзивные льготы в обмен на геоэкономическую лояльность). Это означает, что после исчезновения правой базы ОЭЗ экономический смысл для частного сектора исчезнет со всеми вытекающими последствиями.

время многие организационно-правовые механизмы почему-то не функционируют так, как задумывалось. Примером тому служит закон Калининградской области о локальных экономических зонах 1997 года, который не заработал (до сих пор не создано ни одной такой зоны). И не потому, что локальные зоны неэффективны, а скорее потому, что изначально не было понятно, каким локальным производственным системам необходимо оказать содействие и для реализации какой стратегической идеи.

Применительно к российским условиям проблемы регионального развития приобретают особо сложный и быстротекущий характер. Несимметричный характер и нестабильность федеративных отношений, различия в стартовом развитии производительных сил, в природных и прочих условий на фоне кризисных явлений вызывают дополнительные трения между регионами, а также между регионами и центром. Так, в частности, в борьбе за привлечение отечественных и иностранных инвестиций Калининградская область конкурирует не только с такими крупными потенциально привлекательными субъектами Северо-Запада РФ, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская, Смоленская области и др., но и с такими государствами, как Польша, Литва, Латвия.

При выборе потенциально эффективного приложения средств инвестор ориентируется не только на тщательный анализ микроэкономических условий инвестирования, но и на опубликованные макроэкономические характеристики страны и региона. Соответственно успешность привлечения инвестиционных ресурсов в калининградскую экономику во многом зависит от ряда макроэкономических показателей, характеризующих Калининградскую область, и отличия их (в благоприятную сторону) от аналогичных показателей конкурирующих регионов России и других стран.

## Региональная инвестиционная политика в контексте региональной политики

Огромный интерес к *региональной инвестиционной политике* в отечественных научных кругах красноречиво подтверждается тем, что за последние пятнадцать лет в России было выполнено более 200 диссертационных исследований по смежной тематике[2].

В развитых странах с момента начала активного муссирования термина «региональная политика» (период с начала 60-х годов, после завершения восстановительного роста, последовавшего после Второй мировой войны) в качестве главной составляющей политики региональ-

[2] База данных «Авторефераты диссертаций» Государственной публичной научно-технической библиотеки на www.gpntb.ru по запросу «Инвестиционная политика» выдает список более 200 наименований.

ного развития стали рассматриваться *программы привлечения инвестиций в регионы*.

В западной экономической мысли выработка региональной политики рассматривается как процесс «социального обучения» (social learning), включающего на первом этапе *понимание структуры и процесса* развития, а на втором этапе – *соотношения* с региональной диагностикой и постоянно корректирующимися общественными задачами. В зарубежной науке и практике аналоги региональной инвестиционной политики (РИП) скрываются за такими понятиями, как:

– региональная политика (развития) – *regional (development) policy*;

– стимулирование (привлечение) инвестиций – *investment promotion*;

– стимулирование (поощрение) инвестиций – *investment incentives*;

– деятельность по привлечению инвестиций – *board of investments activity*;

– инвестиционный климат – *climate for investment*.

С точки зрения управления региональной экономикой финансовая и инвестиционная деятельность предприятий (привлечение и размещение капитала) важна, но не является предметом детального рассмотрения. В этой связи управление региональной экономикой предполагает ***создание условий*** для привлечения капитала (например, развитие финансовой инфраструктуры), что является лишь одной из составляющих региональной политики. Ее задача – поиск таких активов, инвестирование в которые способно вызвать устойчивый рост производства за счет вовлечения интересов новых инвесторов, трансферта успешного опыта и т. д. Основная ***цель региональной экономической политики*** – такое использование пространства (территории и населения), при котором относительно зависимая от власти система поселений и относительно автономная система инвестиционных объектов увеличивает доходность и привлекательность этого пространства.

По аналогии с западными исследованиями понятие ***региональной инвестиционной политики*** в последнее десятилетие активно разрабатывается в отечественной науке. В подавляющем большинстве случаев РИП раскрывается через такие понятия, как: *инвестиционный климат*, *инвестиционный потенциал* и *инвестиционный риск*. Большинство исследований основано на разработке как можно более широкого спектра показателей, характеризующих различные типы потенциалов.

Согласно распространенной в последние годы и практически широко используемой в России методике определения рейтинга инвестиционной привлекательности регионов (журнал «Эксперт», консалтинговое агентство «Эксперт-география») среди главных составляющих инвестиционного климата выделяют:

1) инвестиционный потенциал как сумму объективных предпосылок для эффективного вложения инвестиций, зависящих от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования и их экономического здоровья;

2) инвестиционный риск как вероятность потери инвестиций или получения дохода от них;

3) инвестиционное законодательство как основополагающая правовая база ведения инвестиционной деятельности как на федеральном, так и на региональном уровнях.

При этом под *инвестиционным потенциалом* региона понимаются объективные возможности данного региона, определяемые совокупностью характеристик, учитывающих основные макроэкономические параметры, насыщенность территории факторами производства (природными ресурсами, рабочей силой, основными фондами, производственной, экономической и социальной инфраструктурой и т. д.), потребительский спрос населения и др. В соответствии с методикой интегральный инвестиционный потенциал региона формируется, по крайней мере, из десяти частных потенциалов:

1) *производственного* (совокупный результат хозяйственной деятельности предпринимательских структур и населения региона);

2) *кадрового* (наличие профессионально обученной рабочей силы и квалифицированного инженерно-технического персонала);

3) *ресурсно-сырьевого* (обеспеченность экономической деятельности в регионе балансовыми запасами основных видов природных ресурсов);

4) *потребительского* (совокупная покупательная способность населения);

5) *инфраструктурного* (уровень развития в регионе производственной, экономической и социальной инфраструктур);

6) *институционального* (обеспеченность развития региона необходимыми институтами рыночной экономики);

7) *интеллектуального* (образовательный уровень населения, масштабы ведения в регионе НИОКР и др.);

8) *инновационного* (уровень внедрения достижений научно-технического прогресса и степень модернизации производства в регионе);

9) *финансового* (размеры налоговой базы, прибыльность предприятий, уровень доходов домохозяйств региона и т. д.);

10) *локационного* (экономико-географическое положение региона относительно Москвы и Петербурга, главных транспортных коммуникаций, стран «нового» и «старого» зарубежья и т. д.).

В рамках применяемой методики все перечисленные составляющие инвестиционного потенциала региона определяются формальными статистическими характеристиками, что позволяет производить сравнение различных регионов.

Оценка *инвестиционного риска* для вложений в конкретный регион осуществляется на основе учета следующих групп показателей:

– *экономического* риска (степень экономического спада, тенденции в формировании регионального валового продукта и т. д.);

– *социального* риска (уровень социальной напряженности в регионе);

– *политического* риска (степень приверженности властей рыночным преобразованиям, синхронность их действий по созданию благоприятного инвестиционного климата и т. д.);

– *финансового* риска (степень сбалансированности регионального бюджета и финансов предприятий);

– *законодательного* риска (юридические условия инвестирования в те или иные сферы или отрасли, порядок использования отдельных факторов производства);

– *экологического* риска (степень напряженности экологической ситуации в регионе, деградации природной среды, решения по развитию природоохранных мероприятий);

– *криминального* риска (уровень преступности, размеры теневой экономики, оценка вовлеченности криминальных кругов в легальную экономику и т. д.).

Наконец, *инвестиционное законодательство* региона как потенциал тесно увязано с принятыми и действующими специальными нормативными актами как федерального, так и субъектного уровня, регулирующими инвестиционную деятельность. В развитие принятых федеральными органами законов власти отдельных субъектов Федерации самостоятельно определяют возможность инвестирования в своих регионах или пользуются отдельными территориально ориентированными законодательными актами РФ.

Проблема заключается в том, что понятие ***потенциала***, заимствованное из физики, во-первых, описывает состояние региональной системы в *статике*, во-вторых, предполагает *вероятность* трансформации инвестиционных ресурсов. В результате наиболее часто повторяемой мыслью является то, что в регионах России, при высоком научном, человеческом и прочем потенциалах, инвестиционный климат продолжает оставаться неудовлетворительным, а риски как внешнего, так и внутреннего инвестирования практически не снижаются.

Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, многие современные отечественные исследования унаследовали устаревшие подходы к анализу ***потенциалов***, с другой стороны, зачастую недооценивается роль сравнения (benchmarking) климатов регионов с регионами зарубежных стран.

Основные методы исследования инвестиционного климата – ***рейтинги*** (rating) и проводимые на их основе межрегиональные сопоставления (benchmarking).

Тема разработки рейтингов инвестиционного потенциала или риска привлекает большое количество исследователей и практиков, так как позволяет оперировать большими массивами количественных данных, дает серьезную базу для сравнительного анализа. Эмпирические исследования практически не содержат свидетельств того, что рейтинги способствуют привлечению инвестиций в форме капитальных вложений. Так, в исследовании «Бюро экономического анализа» (БЭА) по проблемам привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в РФ отмечается, что «они [рейтинги] могут дать лишь общее представление о состоянии дел и тенденциях в данной области, а не служат руководством к действию для инвесторов»[3].

В условиях современной России результаты интегральных рейтингов зачастую не совпадают с реальными предпочтениями инвесторов на микроуровне. Основные выводы исследования заключаются в том, что определяющим фактором инвестиционной активности в регионах РФ является наличие природных ресурсов и развитой отраслевой инфраструктуры по их разработке, а «факторы географического положения и проводимой политики, по всей видимости, играют второстепенную роль».

С нашей точки зрения, исследование РИП с точки зрения рейтинговых сопоставлений представляет собой достаточно разработанное направление, различные методики которого можно использовать в качестве экспресс-анализа или группировки регионов.

Практически во всех инвестиционных рейтингах наибольший вес при оценке инвестиционного риска традиционно отводится политическому и законодательному фактору. В процитированном выше исследовании БЭА утверждается, что тип законодательных рисков в максимальной степени «подконтролен» региональным органам власти. Эксперты Бюро экономического анализа считают, что ***региональные власти должны предпринять первоочередные усилия по снижению инвестиционного риска своих регионов, поскольку это можно сделать относительно быстро, без особо больших затрат, и принести эффект в виде существенного повышения инвестиционной привлекательности региона***[4].

Эмпирические наблюдения в Калининградской области не подтверждают этот вывод: в период с 1991 года действенными законодательными инициативами оказывались только те, которые утверждались на федеральном уровне. При изменении федерального законодательства, особенно после введения Налогового кодекса, многие законы субъектов Федерации в части предоставления льгот по налогообложению вступили с ним в противоречие, что потребовало приостановки их действия.

---

[3] Политика привлечения прямых иностранных инвестиций в российскую экономику / Бюро экономического анализа. – М.: ТЕИС, 2001. С. 306 – 307.
[4] См. там же. С. 308.

## Инвестиционные механизмы как основа РИП

На современном сложном переходном этапе российской экономики производственный и экономический потенциал России не может эффективно использоваться и воспроизводиться, если не будет сформирован эффективный хозяйственный механизм управления инвестиционным процессом на макро- и микроуровнях.

В экономической теории понятие «механизм» часто применяется в сочетании с эпитетами «экономический», «хозяйственный» и «организационный». В специальной литературе нет четкого разграничения сфер применения этих дефиниций, многое зависит от приверженности авторов той или иной научной школе. По нашему мнению, ***экономический (хозяйственный) механизм*** можно определить как ***организованную или упорядоченную систему взаимодействия экономических явлений на основе совокупности институциональных установлений, обеспечивающую субъектам хозяйствования в определенных расчетных режимах достижение заданных или прогнозируемых результатов***.

В соответствии с наиболее общей схемой построения механизма регуляционного характера модельное представление экономического (хозяйственного) механизма включает в себя следующие элементы:

- субъект (инициатор) как движущая сила, осмысленно запускающая в действие данный механизм;
- цели как программируемые желаемые результаты действия механизма;
- форма как необходимое организационное оформление методического обеспечения;
- методы как инструментарий, способы и технологии процессов достижения поставленной цели;
- средства как совокупность видов и источников ресурсов, используемых для достижения целей;
- объекты – хозяйствующие субъекты, хозяйственная среда, экономические явления.

Хозяйственный механизм народнохозяйственного комплекса в переходный период российской экономики должен быть нацелен на выполнение следующих функций:

– реализация потенциала, заложенного в каждой форме собственности и хозяйствования, обеспечение плодотворной конкуренции и сотрудничества в деле использования имеющегося потенциала при выходе из экономического кризиса на путь экономического роста;

– упорядочение процесса воспроизводства с помощью формирования рыночно-конкурентной системы самоорганизации, самоуправления

процесса хозяйствования и соответствующей системы государственного экономического регулирования;

– обеспечение сбалансированности и внутрипроизводственной пропорциональности между структурными звеньями производства на современной инновационной основе;

– осуществление самоорганизации и взаимодействия хозяйствующих субъектов, движения и развития капиталов на основе конкурентной борьбы, определение, таким образом, структуры общественного производства, формирование его динамичных пропорций и в конечном счете обеспечение тем самым оптимальной организации воспроизводства всего общественного капитала;

– поддержание устойчивых стимулов для предпринимателей, менеджеров, работников и коллективов в создании качественно новых технологий, форм организации производства, маркетингового обслуживания, реализации квалификации и творческого потенциала всех субъектов воспроизводства;

– создание равных экономических условий для реализации социально-экономического потенциала каждой формы и субъекта собственности и хозяйствования в организации эффективной деятельности;

– обеспечение соответствия экономического поведения каждого коллектива и работника, а также саморегулирование всех экономических систем в полном соответствии с требованиями экономических законов расширенного воспроизводства в рамках свободного предпринимательства.

Хозяйственный механизм – это блочная система, важной составляющей которой является механизм управления инвестиционным процессом, или инвестиционный механизм. Последний обладает основными чертами хозяйственного механизма народнохозяйственного комплекса и в то же время имеет свою специфику. Специфика механизма инвестиционного процесса определяется особенностями процесса воспроизводства экономического и производственного потенциала и ведения инновационной деятельности в конкретных экономических условиях.

***Инвестиционный механизм*** представляет собой взаимодействующую совокупность методов и форм, источников инвестиций, инструментов и рычагов воздействия на воспроизводственный процесс на макро- и микроуровнях в интересах расширения действующего производства или авансирования вновь создаваемого производства.

Инвестиционный механизм включает в себя следующие структурные составляющие (рис.):

– мотивационный блок;

– ресурсное обеспечение;

– правовое и методическое обеспечение;

– организационное обеспечение.

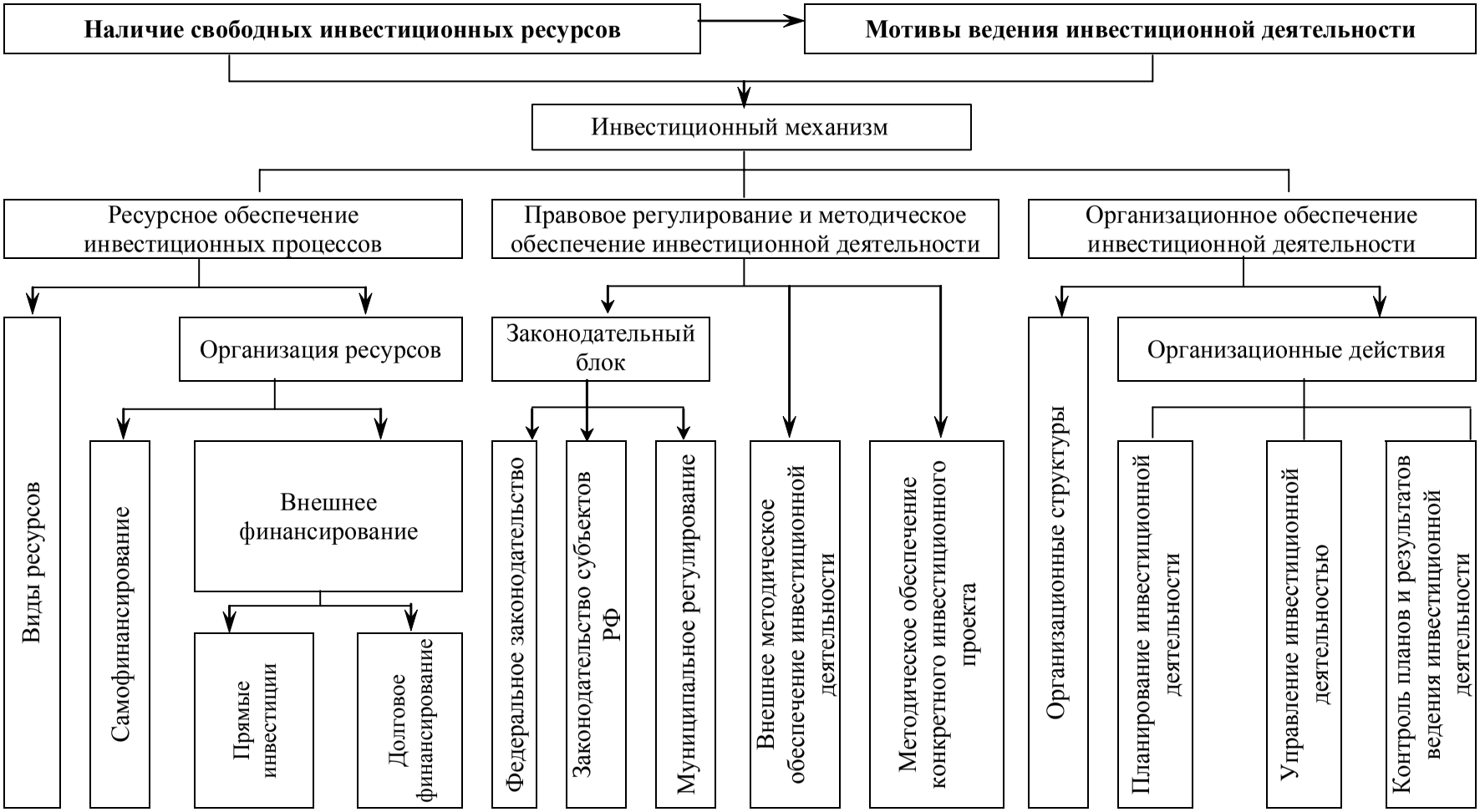



Рис. Принципиальная схема структурных составляющих инвестиционного механизма

Каждый из перечисленных видов обеспечения имеет самостоятельное содержание и значение, которое реализуется в различных формах.

*Мотивационный блок* обеспечивает взаимодействие конкретного инвестиционного механизма с внешней по отношению к нему экономической и социальной средой, с соответствующими экономическими и хозяйственными механизмами. *Мотивационный блок* включает в себя исследование, последовательное уточнение и детализацию (до уровня локальных целей или подцелей) всех тех мотивов деятельности и экономических ожиданий, которыми руководствуются потенциальные инвесторы при определении объектов приложения своих сил и ресурсов, которыми они располагают.

*Ресурсное обеспечение* предусматривает исследование видов и анализ возможных направлений получения инвестиционных ресурсов.

При всем многообразии источников финансирования инвестиций и способов их организации многообразие видов ресурсного обеспечения в конечном итоге можно свести к трем основным формам:

– самофинансирование (использование для ведения инвестиционной деятельности внутренних источников финансирования);

– долговое внешнее финансирование (кредиты и займы);

– прямые внешние (реальные) инвестиции.

## Инвестиционная политика в Калининградской области

Сочетание выгодного географического положения, природных ресурсов, относительно развитой рыночной инфраструктуры и достаточно высокой квалификации кадров ставит Калининградскую область в число инвестиционно привлекательных территорий страны. Однако реализация инвестиционного потенциала области требует дополнительно немалых усилий и преодоления недостатков, связанных с ее эксклавным положением и необходимостью транзита пассажиров и грузов через территории зарубежных государств при организации транспортного сообщения с другими регионами страны. Благодаря, прежде всего, действию закона «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» и Федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2010 года», а также направленным на привлечение капитала действиям областных органов власти, начиная с 1999 г. быстро растет объем инвестиций в экономику области. В 2003 г. по сравнению с 1998 г. инвестиции в основной капитал в регионе возросли более чем в 4 раза.

Изменение внешних условий развития области – вступление в 2004 г. Польши и Прибалтийских стран в ЕС, ожидаемое принятие нового за-

кона об ОЭЗ и вхождение России в ВТО – меняют условия хозяйственной деятельности в регионе и могут негативно повлиять на приток инвестиций. Перед региональной властью стоят задачи, с одной стороны, добиться выгодных для области условий нового закона об ОЭЗ и договоренностей между РФ и ЕС об условиях транзита между областью и другими регионами страны, а с другой – выработать целостную и последовательную политику по отношению к инвесторам. Для реализации этих задач и обеспечения благоприятных условий для притока инвестиций в экономику региона администрацией области делается упор на мероприятия по правовому, организационному, информационно-аналитическому обеспечению инвестиционной деятельности.

Мотивация инвестиций в экономику Калининградской области в настоящее время состоит прежде всего в организации импортозамещающих производств, создающих добавленную стоимость (в размере 15 % для большинства товаров, 30 % для электроники и сложной бытовой техники) при переработке импортного сырья и полуфабрикатов для поставок на общероссийский рынок. Задача состоит в том, чтобы путем льготного налогообложения создать условия для экспортно-ориентированного производства, а также стимулировать деятельность в регионе малого бизнеса – как в сфере производства, так и в сфере услуг (торговля, транспорт, туризм и др.).

Финансовые ресурсы, привлекаемые в качестве инвестиций в настоящее время, – это преимущественно собственные средства российских предприятий. В будущем предполагается более активное использование кредитов, а также привлечение иностранного капитала.

Спецификой области является то, что условия ее развития во многом определяются не на региональном, а на федеральном уровне. Правовое обеспечение условий хозяйственной деятельности, а значит, и инвестиций определяет закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области». Областной администрацией многое сделано для обоснования благоприятных для региона статей проекта нового закона, обсуждение которого ведется в настоящее время. Речь идет о сочетании действующего механизма свободной таможенной зоны (действие которого для юридических лиц, использующих сейчас этот механизм, продлевается на ближайшие 10 лет) со стимулированием инвестиций путем предоставления льгот по налогам на прибыль и имущество для новых инвестиционных проектов. Предоставление налоговых льгот в рамках нового закона об ОЭЗ особенно важно в связи с проводимой в последние годы федеральным Центром политикой в бюджетно-финансовой сфере, все больше уменьшающей возможности региональных властей

регулировать налоги. Важным направлением деятельности областной администрации является также достижение безусловного выполнения Федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2010 года». Что касается условий транзита и других внешнеэкономических факторов, во многом определяющих жизнеобеспечение и развитие региона, областная администрация настаивает на заключении специального договора между РФ и ЕС по этому поводу.

Совершенствование региональной нормативно-правовой базы инвестиционной деятельности включает как принятие конкретных областных законов и программ, содействующих привлечению инвестиций, так формирование всей системы региональных законов, определяющих социально-экономические условия в области. Для реализации стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества региональным органам власти следует выработать новый стратегический подход к регулированию инвестиционной деятельности, установив единые правила, которые стали бы равно привлекательными для всех потенциальных инвесторов. Для этого необходимо последовательно формировать правовое поле, регламентирующее ведение инвестиционной деятельности в регионе.

Для дальнейшего улучшения инвестиционного климата необходимо усилить координирующую роль администрации в позиционировании Калининградской области на общероссийском и зарубежном рынке путем обеспечения процесса стратегического управления и активизировать работы по формированию благоприятной среды для развития бизнеса. К инструментам прямого участия органов государственной власти относятся, прежде всего, реализация областного закона «О поддержке инвестиций в форме капитальных вложений», разработка и реализация областной инвестиционной программы, придание инвестиционной направленности бюджету, выделение в его составе капитальных расходов и аккумуляция их в бюджете развития, проведение эффективной политики заимствований.

В сфере косвенного регулирования инвестиционной деятельности предстоит создать организационное, инфраструктурное и информационное обеспечение для осуществления инвестиционной деятельности. Необходимо привлечь внимание российских и иностранных инвесторов к Калининградской области, показать привлекательные для потенциальных инвесторов характеристики области и представить ее как перспективного партнера, обеспечить активное взаимодействие с потенциальными участниками инвестиционного процесса. Должны предоставляться государственные и муниципальные гарантии обеспечения кредитно-

финансовых ресурсов для развития предпринимательской деятельности. Нужно обеспечить продвижение инвестиционных проектов предприятий области на российский и внешний рынки инвестиционных проектов; содействовать предприятиям области в привлечении частных инвестиций.

Главной идеей, объединяющей всю законотворческую деятельность на региональном уровне, должно стать придание области специфических черт, выделяющих ее из круга других конкурирующих с ней территорий. Такими специфическими чертами могли бы быть повышенное внимание к государственной поддержке малого и среднего бизнеса (Закон Калининградской области «О государственной поддержке малого и среднего бизнеса») и обеспечение деятельности Калининградского инновационно-технологического центра.

Для организационного обеспечения инвестиционного процесса необходим постоянный мониторинг условий и особенностей хозяйственной деятельности, изучение потенциальных рынков. Мониторинг инвестиционного процесса является основой при разработке и реализации инвестиционных программ на территории области, а также условием для активизации и повышения эффективности инвестиционной деятельности за счет расширения возможностей распространения достоверной и систематизированной информации, необходимой как соискателям инвестиций, так и потенциальным инвесторам.

В целях осуществления мониторинга инвестиционной деятельности необходимо создать единую информационную базу данных инвестиционных проектов и сформировать банк данных о потенциальных инвесторах. Важнейшими направлениями мониторинга являются создание базы данных предприятий Калининградской области, а также инвестиционных площадок региона с конкретными условиями инвестирования в тот или иной объект. Целесообразно определить несколько привлекательных экономических идей развития области, зафиксировать их в Стратегии регионального развития и сконцентрировать усилия администрации и бизнес-сообщества на их продвижении.

В настоящее время разрабатывается Комплексный план действий администрации области по реализации Стратегии социально-экономического развития региона. Его важным компонентом должна стать инвестиционная деятельность, основанная на улучшении хозяйственного климата и совершенствовании правовой базы регионального развития.

*Т.Р. Гареев*

# Применение теории полюсов развития для реализации региональной экономической политики применительно к Калининградской области

## Теоретические основы полюсов развития

Известны две фундаментальные цели региональной политики: обеспечение ускоренного экономического роста и повышение благосостояния населения (социальная ориентация). Основная задача региональной экономической политики заключается в установлении баланса между организационно-правовыми и организационно-экономическим механизмами развития.

Политика выравнивания ориентирована на «поддержку» отстающих элементов и «сглаживание пространственной асимметрии». Политика «полюсного развития» основана на реализации крупномасштабных проектов, способных стимулировать кумулятивные процессы социально--экономического развития в экономическом окружении.

Состояние кризиса в экономике российских регионов сместило акценты в сторону нормативно-правовых механизмов развития (финансового регулирования, программных механизмов). Признавая ключевую роль данного подхода, необходимо отметить, что переход к ускоренному развитию может быть осуществлен, когда в реализации проектов развития будут активнее задействованы организационно-экономические механизмы и привлечены инвестиции из частного сектора.

Отметим, что в современном мире практическое воплощение теорий регионального развития связывается не столько с понятием «рост» (обусловленным внутри- и межотраслевой кооперацией), сколько с поня-

тием «развитие» (обусловленным существованием инноваций и технологического трансферта). Возникновение полюсов развития зависит, во-первых, от целенаправленной концентрации капиталовложений в определенных сферах деятельности, во-вторых, от концентрации критической массы нововведений (технологических, управленческих и прочих).

На методологическом уровне возможный набор эффектов обоснован в теории полюсов развития, утверждающей, что развитие разбалансировано, неравномерно и не может протекать без ***комплекса полюсных эффектов***, даже если они не наблюдаются в непосредственном географическом окружении.

Некоторые эффекты практически не прослеживаются с помощью традиционных методов анализа. Поэтому развитие, как более общее по отношению к росту явление, может выражаться в осязаемых, но трудно фиксируемых модернизирующих эффектах (например, демонстрационных или обучающих). Несмотря на существующее многообразие типов локальных производственных систем, лежащих в основе полюсов развития, необходимо разрабатывать *организационно-экономические механизмы*, которые могут быть адаптированы к уникальным региональным условиям с целью стимулирования необходимого набора полюсных эффектов.

Существует несколько уровней теоретического обобщения моделей роста от наиболее абстрактных до максимально приближенных к практике. Условно к абстрактным моделям можно отнести неоклассическую модель роста (Солоу), модель экспортной ориентации (Норт) и модель неравновесного развития (Мюрдаль, Перру). Неоклассическая модель роста основана на классических рыночных принципах равновесия и наиболее разработана с математической точки зрения. Экспортная модель Норта[1] основана на экономической истории развития США, ее количественный аппарат опирается на мультипликационную зависимость региональных показателей от регионального экспорта [25][2]. Концепции, основанные на неравновесном развитии, были разработаны как альтернатива классическим моделям и в основном носили описательный характер. Ключевым понятием неравновесных моделей стала «поляризация» (ассиметричного развития).

---

[1] Д. Норт, нобелевский лауреат 1993 года, больше известен в России как классик (нео) институционализма;

[2] На теоретическом уровне под региональным «экспортом» понимается вывоз товаров за пределы региона, но не обязательно за пределы страны.

Общая схема, лежащая в основе всех моделей поляризации, описывается следующим образом: диалектически процесс эволюционного развития экономической системы протекает во взаимодействии двух процессов – концентрации и диффузии. Условно, концентрация является результатом «центростремительных сил», а диффузия – «центробежных». Пространственное следствие концентрации – «кластирование»[3] (группировка) производственной деятельности. *Процесс диффузии менее определен и изучен, так как может протекать в разных формах по многим каналам и проявляться опосредованно*[4]; считается, что диффузия является следствием вертикальных, горизонтальных и диагональных связей локальной производственной системы и ее взаимодействия с окружающей средой.

Общая проблема применимости всех моделей роста заключается в ***высоком уровне агрегирования***. Любопытно, что модели неравновесного роста критиковались за отсутствие адекватного количественного выражения, но оказались более перспективными для дезагрегирования. В результате дезагрегирования моделей поляризации развились такие направления, как: отраслевая экономика (полюса роста) и городская экономика (центры роста). Поэтому можно показать, что «теория полюсов роста», «теория центров роста», «модель поляризованного развития» и «теория полюсов развития» существенно различаются как по уровню агрегирования, так и по объекту анализа.

Содержательно-хронологическая картина доминирующих концепций регионального развития отражена на рисунке 1.

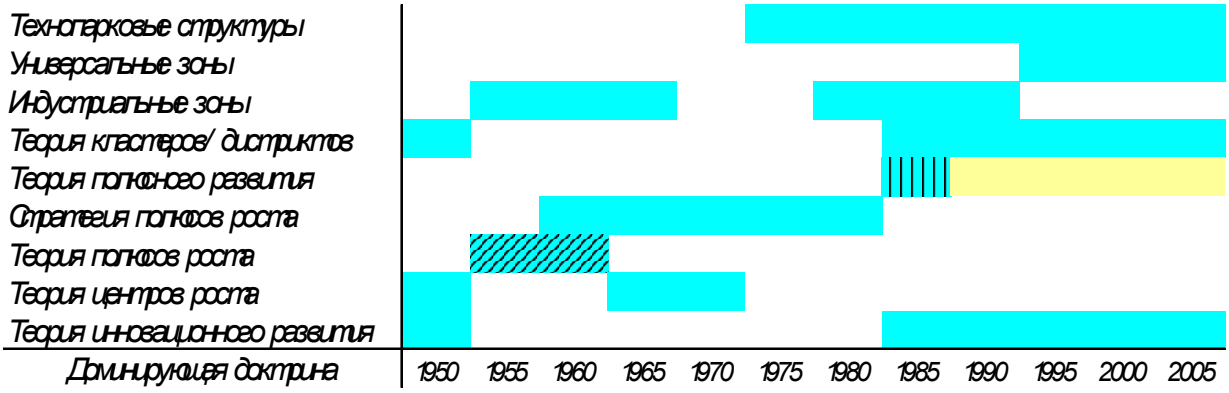



Рис. 1. Хронология концепций регионального развития

[3] В этой связи можно отметить, что одним из первых, кто использовал понятие кластирования применительно к экономическим системам, был И. Шумпетер, а отнюдь не М. Портер.

[4] На практике, как правило, затруднительно отличить процесс вытеснения ресурсов из одной точки от их тяготения к другой, так как это зависит от выбора системы отсчета.

В теории полюсов развития переход к приближенному к практике уровню анализа осуществляется через понятие локальной производственной системы (ЛПС). Под *полюсом развития* понимается локализованная в географическом пространстве относительно крупная система экономических объектов (локальная производственная система), проявляющая устойчивые признаки сбалансированного роста и реализующая (помогающая реализовать) стратегическую идею развития всего региона за счет распространения комплекса полюсных эффектов.

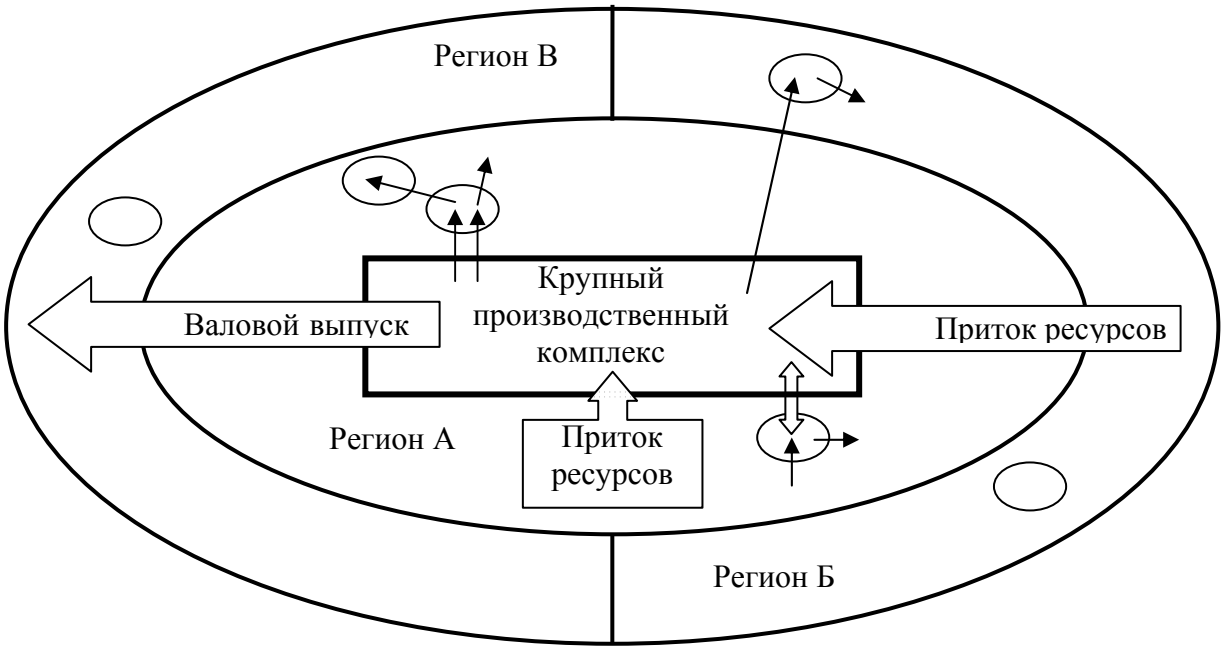
На наш взгляд, наиболее перспективной является точка зрения Э. Маркус, позволяющая разграничить ЛПС, основанные на кооперации предприятий малого и среднего бизнеса (*SMEs*), и ЛПС, образованные крупным бизнесом (*MNC*), что наглядно проиллюстрировано на рисунке 2.

Под *признаками роста* понимается наличие традиционных эффектов: рост рентабельности, капитализации, производительности, занятости и т. д. Изначально в середине 50-х годов в теории полюсов роста Ф. Перру рассматривал в качестве «носителей роста» (активных единиц) только крупные «пропульсивные» отрасли. Поэтому крупные промышленные комплексы стали автоматически отождествляться с понятием «полюс роста», а традиционные эффекты – с полюсными эффектами. С научно-практической точки зрения стало затруднительно выделять полюса роста среди других экономических объектов.

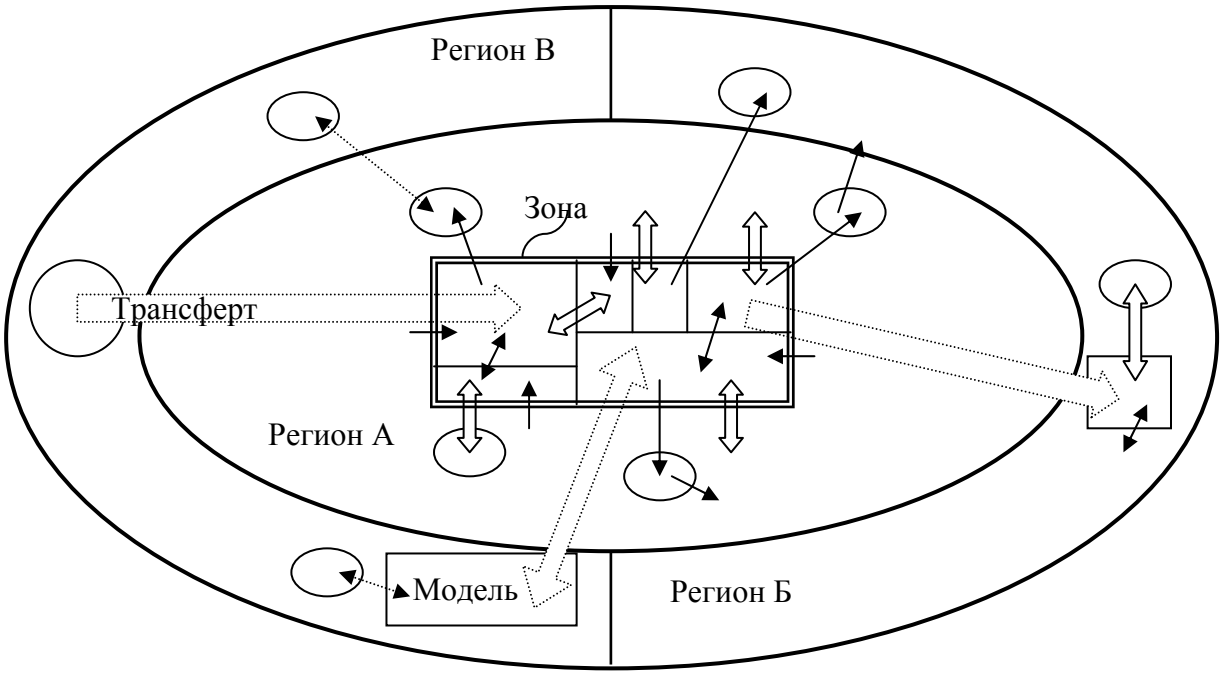
В 60 – 70-е годы исследователи стали рассматривать эффекты поляризации, которые, как правило, прослеживаются в виде увеличения населения в городских центрах («центрах роста»), частью которых являются ЛПС. Эффекты поляризации тесно связали с понятием агломерационных эффектов, что еще больше сместило акценты от «полюсов роста» к понятию «центров роста».

В более поздних исследованиях 80-х годов, вероятно, под влиянием теории инновационного развития и возродившейся теории кластеров формируется понятие *полюсов развития*: в анализ включается не только рост капитала и трудовых ресурсов, но и инновационная способность, перенос технологий производства и управления, повышение качества жизни населения и уровня конкурентоспособности мезоструктур (за счет повышения деловой активности на уровне микроструктур) и т. д.

Интерес к теории полюсов развития стал возрождаться в рамках исследований 90-х годов, например в теории «производственных дистриктов» (*industrial districts*). При этом современная повестка дня западных исследований ушла далеко вперед и зачастую мешает своей риторикой о «человеческом капитале» (organizational learning, knowledge management), «устойчивом развитии» (sustainable development), «инновационной атмосфере» (innovation milieu), постфордистской системе производства (post-fordism), сетевых структурах (network structures) и т. д.




а




б

Рис. 2. Типы ЛПС на уровне региона:
а – на основе крупного территориально-производственного комплекса;
б – на основе крупной производственно-коммерческой зоны
▭, ⬭ – субъекты экономической деятельности;
→, ↔ – незначительный поток ресурсов и эффектов;
⇨, ⇔ – значительный поток материальных ресурсов и эффектов;
⇨, ⇔ – значительный поток нематериальных ресурсов и эффектов

Эти концепции соответствуют наиболее продвинутым экономическим системам в их современной фазе. Но ни одно из приводимых определений по крайней мере не противоречит основным понятиям теории полюсов развития; равно как ни одно явление, описываемое с помощью новой терминологии, не выходит за рамки ее предсказаний.

## Организационно-правовые основы превращения Калининградской области в полюс развития

Проблемы территориального развития (в том числе проблемы полюсного развития) весьма многообразны. Так сложилось, что из всего их многообразия в переходных экономиках внимание было уделено одному ключевому аспекту – *государственному регулированию территориального развития* [15, с. 14] [5]. Как справедливо указывает В.П. Жданов, «с одной стороны, государство определяет создание экономической среды посредством принятия соответствующих законодательных актов», а с другой – инвестирует в обширный комплекс производственно-хозяйственных структур [9, с. 61]. В рамках государственного регулирования предлагается отчетливо различать *институциональную* и *хозяйственную* функции.

В условиях кризиса государственное регулирование было «абсолютно необходимым» и даже «безальтернативным» условием реализации экономической политики «поддержки» и «выживания». Поэтому до сих пор разработка механизмов государственного регулирования территорий (*организационно-правовых механизмов*) является наиболее приближенным к практике уровнем исследования территориального развития. Обширную *библиографию* отечественных исследований 90-х годов по данному вопросу можно найти в работе под редакцией В.Н. Лексина, А.Н. Швецова [20]. В целом организационно-правовые механизмы разделяют на финансовые регуляторы, в числе которых основными являются бюджетные и межбюджетные отношения, и программные методы развития территорий [15].

Своего рода противовесом организационно-правовым механизмам развития выступают организационно-экономические механизмы. Как далее отмечает В.П. Жданов, «существенная роль государственного регулирования не должна умалять значения факторов рыночной самоорганизации в обеспечении структурной перестройки экономики и ее перехода к устойчивому росту» [9, с. 64]. Таким образом, под ***организационно--экономическими*** понимаются механизмы территориального развития, ос-

[5] Одной из наиболее удачных работ в этой области, на наш взгляд, является работа ведущих специалистов по проблемам территориального развития ИСА РАН В.Н. Лексина, А.Н. Швецова [15].

нованные на инвестиционных интересах предпринимательских структур (при условии соблюдения государственных и общественных интересов). Оптимальным вариантом для региона является ***баланс*** правовых и экономических регуляторов, который достаточно трудно достижим на практике.

Поскольку центральным элементом организационно-правовых механизмов выступает *нормативно-правовая деятельность*, в работе органов власти и местного самоуправления может возникать тенденция подмены экономических регуляторов правовыми. При определенных условиях экономическая целесообразность может создаваться исключительно за счет организационно-правовых регуляторов[6]. В то же время многие организационно-правовые механизмы почему-то не функционируют, так как задумывалось. Примером тому служит закон о ЛСЭЗ 1997 года, который не заработал. И не потому, что «локальные зоны» неэффективны, а скорее потому, что изначально не было понятно, каким локальным производственным системам необходимо оказать содействие и для реализации какой стратегической идеи.

На приведенном выше рисунке 2 композиция элементов выбрана не случайно: «Регион А» условно представляет собой прообраз Калининградской области, для которой необходимо обосновать ***предпочтительный и реалистичный набор локальных производственных систем[7], способных играть роль полюсов развития и превратить саму область в межрегиональный центр роста.***

Справедливо замечено, что любая стратегия и программа развития должна опираться на конкретных субъектов – проводников стратегии. В зарубежных «хрестоматийных» примерах развития (китайские и бразильские зоны, итальянские и датские кластеры, различные «долины», «треугольни-

---

[6] Кстати, именно такая ситуация, по мнению Н.В. Смородинской и многих других экспертов, сложилась на сегодняшний день в Калининградской области [22]. Любой организационно-экономический механизм (в нашем случае – инвестирование в импортозамещение) в таких условиях основан не на законах нормального рынка, а на эксплуатации «политической ренты» (эксклюзивные льготы в обмен на геоэкономическую лояльность). Это означает, что после отмены правовой базы ОЭЗ экономический смысл для частного сектора исчезнет сам собой со всеми вытекающими последствиями.

[7] Локальная производственная система (local production/productive system) – это априорное понятие, отражающее типологию объектов исследования на мезоуровне [30]. Попросту говоря, под ЛПС принято понимать сообщество фирм и организаций, в котором прослеживается сильная связь между географическим расположением и отраслевой принадлежностью. Любое территориальное образование может иметь несколько ЛПС различного типа и уровня. Понятие не связано с материальным производством.

ки» и т. п.) вопросов *о целевых субъектах развития* (т. е. ЛПС) практически не возникало даже на самых ранних стадиях реализации стратегии.

В этом контексте развернувшаяся *острая дискуссия* относительно перспектив ОЭЗ и будущей *внешнеторговой ориентации* области *пока касается только перспектив модернизации организационно-правовых механизмов*. Основная масса предложений направлена либо на совершенствование нормативно-правовых актов (федеральных законов и законов Калининградской области), либо на создание различных институтов (фондов поддержки, центров поддержки, управляющих администраций). В лучшем случае предлагается выделение или перераспределение бюджетных средств в рамках программных методов управления.

В многочисленных моделях развития Калининградской области конкретные проводники стратегии, как правило, не только не просчитаны, но и с трудом идентифицируются. Если стратегии, основанные на «экспортной ориентации», «с порога» отвергают всю сложившуюся структуру производства, включая и весьма прогрессивные элементы (мебельное производство, электротехнику), то стратегии «импортозамещения» или смешанной ориентации отстаивают излишне диверсифицированную структуру экономики.

При этом сторонники «экспортной ориентации», несмотря на всю радикальность предлагаемых трансформаций (отмена режима ОЭЗ, введение федерального правления, создание оффшора), пока даже не указывают, какого типа локальные экспортные системы должны сложиться в области, чтобы обеспечить к 2010 году устойчивое производство ВРП на уровне 8,5 – 9 миллиардов долларов (по ППС)[8]. Указывается, что (1) особое внимание предполагается уделить экспортерам несырьевых отраслей, что (2) малые предприятия в правовом понимании (мельчайшие – в экономическом) не способны стать моторами роста и что (3) на серьезные инвестиции (ТНК/ФПГ) рассчитывать не приходится [21, с. 158 – 159]. Предлагается осуществлять *селективную* поддержку средних предприятий реального сектора за счет организации специальных схем кредитования и специальных фондов поддержки лизинга современного оборудования[9].

В рамках стратегии развития Калининградской области как ***региона сотрудничества РФ и ЕС*** основное внимание ученые уделяли экономико--правовым проблемам, историческому процессу и путям совершенствования режима СЭЗ – ОЭЗ, проблемам привлечения прямых инвестиций, управле-

---

[8] Если считать, что в 2003 году этот показатель составил приблизительно 4,5 млрд долларов США (без учета теневого сектора), речь идет об удвоении ВРП к 2010 году, что позволит «дотянуться» до Литвы.

[9] Тем не менее пока в рассуждениях сторонников экспортной модели используется симплификация (отсечение неприемлемых альтернатив), а не селекция (выбор предпочтительных альтернатив из множества).

ния целевыми программами развития территории. Считается, что ключевым фактором, затрудняющим оценку результатов экономического развития Калининградской области после 1991 г., является нестабильность отношения ***федерального Центра к установлению особых режимов на отдельных территориях***, в частности к режиму ОЭЗ [13; 17].

Пожалуй, все признают, что для Калининградской области увеличивающееся отставание по уровню социально-экономического развития от сопредельных стран является *ключевой проблемой*. По оценкам администрации Калининградской области, реалистичный прогноз развития заключается в поддержании темпов роста на уровне не ниже среднего по Северо-Западному региону. Это означает, что нам необходим вектор (или траектория) развития, по крайней мере не увеличивающий разрыв с регионами сопредельных стран. Прогноз темпов роста валового продукта на душу населения окружающих Калининградскую область регионов и стран представлен на рисунке 3 (возможны расхождения данных с другими источниками вследствие существования множества различных сопоставлений ВРП/ВВП).

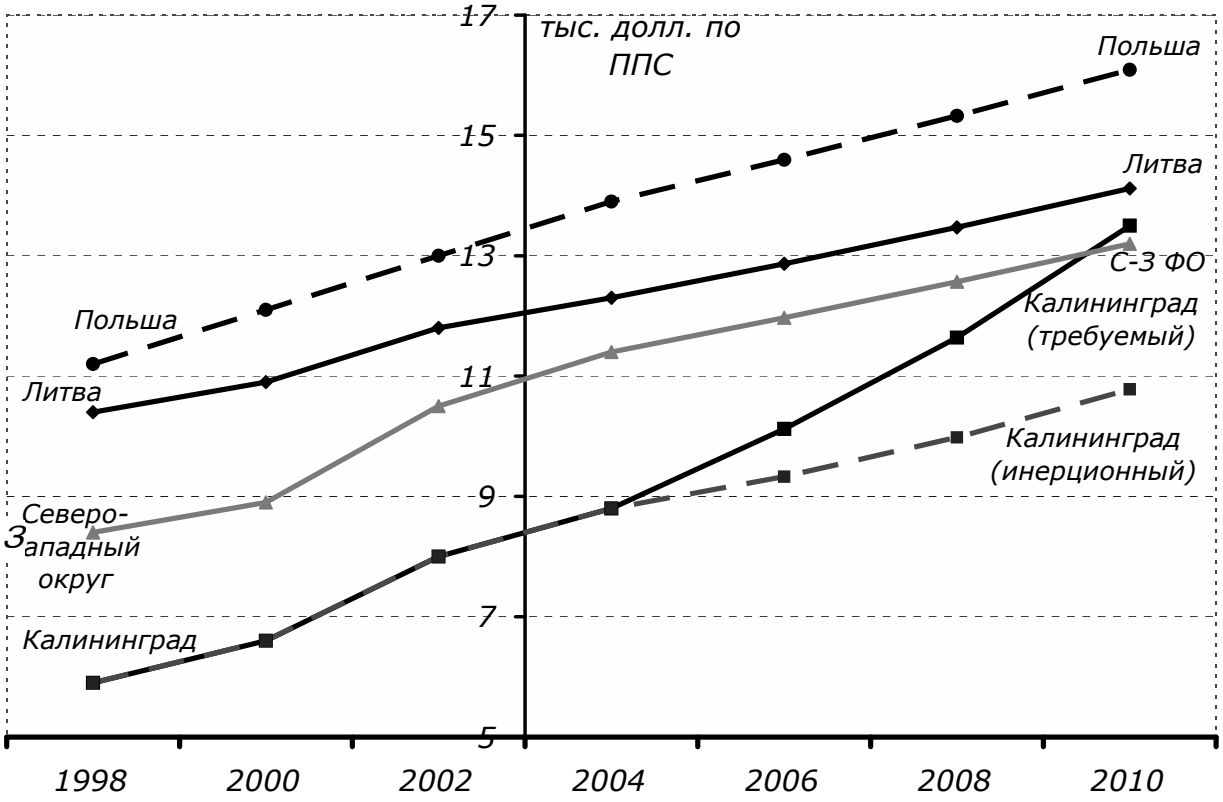



Рис. 3. Прогнозируемый рост ВВП/ВРП на душу населения до 2010 года (по ППС, с учетом экспертных оценок теневого сектора[10])

[10] С использованием экспертных оценок Г.М. Федорова. Данные взяты из нескольких источников: Госкомстат, Бюро экономического анализа, Департамент статистики Литвы, EuroStat, OECD.

Принимая во внимание анализ целевой установки ФЦП развития области до 2010 года, данный график можно дополнить гипотетической кривой темпов развития, необходимых для обеспечения уровня благосостояния в Калининградской области, сопоставимого с соседними странами. По сравнению с инерционным трендом требуемая кривая представляет весьма оптимистический сценарий развития, достижение которого предполагает качественные изменения структуры и объемов производства.

До тех пор, пока акценты будут смещены на нормативно-правовые механизмы развития, реальные механизмы достижения *качественного рывка в производительности* будут оставаться «непрозрачными». Поэтому в равной мере будет справедлива критика как противников «инерционного развития», так и противников «экспериментальной площадки» [12]. Принятие конкретного законодательного акта или организация фонда, как показывает практика, не гарантирует того, что механизм будет работать так, как задумано, если это не согласуется с экономической реальностью.

В то же время возможности инвестиционного законодательства в Калининградской области не исчерпаны. Прежде всего, речь идет о региональном законе, направленном на стимулирование инвестиций, осуществляемых в форме капитальных вложений [3]. Анализ данного закона и возможностей его применения подробно рассмотрен в одной из последних монографий [23]. Что касается законодательства о стимулировании локальных зон, по нашему мнению, оно может заработать при условии, что возникнет серьезная потребность в ***новых*** производственных и коммерческих площадках.

Как пишут В.Н. Лексин и А.Н. Швецов, «во всем мире издавна практикуется установление государством на отдельных территориях организационно-правовых режимов как системного механизма решения таких региональных проблем, которые … по своей сути требуют установления специфического организационно-правового пространства» [15, с.105]. Калининградская область – это регион, где действительно сосредоточиваются государственные и региональные интересы России, поэтому в том или ином виде особый организационно-правовой режим сохранится.

При этом допустимы и возможны изменения в режиме ОЭЗ, которые подробно рассмотрены в ряде работ [13; 18]. Основными, на наш взгляд, являются предложения об увеличении норматива добавленной стоимости для признания товара произведенным в ОЭЗ и об отмене таможенных льгот на ввоз готовых изделий.

На фоне благоприятной макроэкономической конъюнктуры и временной стабилизации (по некоторым оценкам, *стагнации*) идее свободных экономических зон, видимо, суждено пережить второе рождение, когда акценты сместятся к ресурсной (экономической) составляющей их формирования и развития [10].

## Список литературы


1. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области: Закон Российской Федерации от 22 января 1996 г.

2. *О Федеральной* целевой программе развития Калининградской области на период до 2010 г.: Постановление Правительства РФ №866 от 7 декабря 2001 г.

3. *О государственной* поддержке организаций, осуществляющих инвестиции в форме капитальных вложений на территории Калининградской области: Закон Калининградской области от 27 июня 2002 г.

4. *О локальных* свободных экономических зонах в Калининградской области: Закон Калининградской области от 9 октября 1997 г.

5. *Арендная* площадь чудес // Молл. 2003. №1. С. 4 – 11.

6. *Арженовский С.В., Молчанов И.Н.* Статистические методы прогнозирования. Учебное пособие / РГЭУ. Ростов н/Д., 2001. 74 с.

7. *Бильчак В.С.* Приграничная экономика: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. 372 с.

8. *Дорогу* осилит идущий // Калининградская правда. 2003. №104(15767). С. 5.

9. *Жданов В.П.* Инвестиционные механизмы регионального развития. – Калининград: БИЭФ, 2001. 355 с.

10. *Ивченко В.В., Самойлова Л.Б.* Свободные экономические зоны в зарубежных странах и России. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 168 с.

11. *Ивченко В.В.* Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 207 с.

12. *Калининградская* область в окружении ЕС: роль региона в общеевропейской интеграции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 241 с.

13. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 360 с.

14. *Комплексная* оценка уровня социально-экономического развития субъектов РФ в 2001 – 2003 годах // Экономика и жизнь. 2002. №51. С. 6.

15. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 368 с.

16. *Мы пока* на 13-м месте по инвестиционной привлекательности в России: Интервью с Ю.С. Маточкиным // КонсультантПлюс-Янтарь. 2003. №25. С. 10 – 12.

17. *Модель* развития Калининградской области России до 2010 г. / Администрация Калининградской области. Калининград, 2001. 95 с.

18. *Обзор* экономической политики в России за 2002 год / Бюро экономического анализа. – М.: ТЕИС, 2003. – 527 с.

19. *Пирогова Л.* Путь к землеотводу // Стройинтерьер. 2003. №20(53). С.8 – 11.

20. *Проблемы* федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России. Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990 – 1999 гг. / В.Н. Лексин и А.Н. Швецов. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 584 с.

21. *Смородинская Н.В., Жуков С.В.* Калининградский анклав в Европе: заплыв против течения. Диагностика состояния и возможностей экономического развития. М.: Институт «Восток-Запад», 2003. 316 с.

22. *Социально-экономическое* положение Калининградской области в 2002 году: Ст. сб. / Калинингр. обл. комитет гос. статистики. Калининград, 2003. 184 с.

23. *Цикель М.А., Жданов В.П., Федоров Г.М.* Эффективность и совершенствование механизма Особой экономической зоны в Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. 88 с.

24. *Fong C.O.* Planning for industrial estate development in developing economy // Management Science. 1980. Vol. 26. №10. P. 1061 – 1067.

25. *North D.C.* Location theory and regional economic growth // Journal of political economy. 1955. №63. P.243 – 258.

26. *Perroux F.* The pole of development's new place in general theory of economic activity / Regional Economic Development. Boston: Unwin Hyman, 1987. P. 48 – 76.

27. *Planning* and design of industrial estates for regional development in Asia / Ed. by J. Ramos. Nagoya: UNCRD, 1993. 497 p.

28. *Richardson H., Townroe P.* Regional policies in developing countries / Handbook of regional and urban economics. Elsevier Science Publishers BV, 1986. P. 647 – 678.

29. *Growth* pole strategy and regional development policy: Asian experience and alternative approaches / Ed. by F. Lo and K. Salih. UNSRD: Pergamon Press, 1978.

30. *Russo M.* Units of investigation for local economic development polices // Materiali di discussione. №106. 1994. 32 p.

# Об авторах

*Жданов Виталий Петрович* – начальник Главного управления экономического развития и торговли администрации Калининградской области;

*Гареев Тимур Рустамович* – заместитель начальника Управления научно-исследовательских работ Калининградского государственного университета.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОНов), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.
Электронная почта: info@ino-center.ru
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

***Министерство образования и науки Российской Федерации*** является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

***АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»*** – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

***Институт имени Кеннана*** был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который своими исследованиями и книгам о России сыграл важную роль в улучшении понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и дру-

гих странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

***Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США)*** основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и с наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

***Фонд Джона Д.* и *Кэтрин Т. МакАртуров (США)*** – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению их результатов, просвещения и профессиональной подготовки, практической деятельности.

Научное издание

**Регион сотрудничества**
**Вып. 7 (32)**

**Совершенствование региональной экономической политики**

Редактор Н.Н. Мартынюк. Корректор Н.Н. Генина
Оригинал-макет подготовлен О.М. Хрусталевой

Подписано в печать 14.10.2004 г. Бумага для множительных аппаратов.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Таймс». Ризограф.
Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14